

**ТЕМА «СОВЕТСКОГО» В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ
2000-х: ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
ПОСТСОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА**

*Работа представлена кафедрой социальной философии
Уральского государственного университета им. А. М. Горького.*

Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент О. В. Шабурова

Статья посвящена проблематизации коллективной идентичности на постсоветском пространстве. В работе представлены различные интерпретации советского типа социальности в современной

социальной философии и осуществлена попытка описания «советского» через концепт «идентичность», что, в свою очередь, позволяет описать идентичность транзитивного общества.

Ключевые слова: *идентичность, «советское», социальные трансформации, рефлексия, коллективная травма, ностальгия, социальная адаптация, транзит, повседневность, тоталитаризм.*

N. Smolina

“SOVIET” THEME IN THE SOCIAL AND PHILOSOPHICAL DISCOURSE OF THE 2000S: PROBLEMATISATION OF COLLECTIVE IDENTITY OF A POST-SOVIET PERSON

The article is devoted to the problem of collective identity in the post-Soviet period of time. Different interpretations of the Soviet types of society in the modern social philosophy are given. The author makes an attempt to describe the “Soviet” concept through the “identity” concept, which helps to depict the identity of a transitive society in general.

Key words: *identity, the Soviet, social transformations, reflection, collective trauma, nostalgia, social adaptation, transit, everyday live, totalitarianism.*

Социальные изменения в российском обществе двух последних десятилетий требуют философской рефлексии, в рамках которой возможен поиск новых методологий социального анализа. Переход к российскому обществу, последовавший за быстрым сломом политической и экономической системы советского общества, порождает сложную ситуацию для адекватного анализа. Сегодня российское интеллектуальное сообщество вовлечено в процесс масштабной рефлексии по поводу советского прошлого. Отношение к недавнему прошлому у постсоветского человека довольно противоречиво: советское наследие либо отвергается, либо становится предметом ностальгического умиления.

Современные исследователи демонстрируют заинтересованность в изучении советского прошлого: «Спору нет; ликбез по советской цивилизации сейчас уже вполне необходим: все мы, чем дальше, тем больше – иностранцы в этом ушедшем мире» [1] и «Мы знаем о советском непростительно мало» [17, с. 478], и снова: «Мы все еще не осознали, что произошло с нами в XX веке» [18, с. 10]. Здесь речь идет даже не о дефиците работ, а их качественной направленности. Интеллектуальное сообщество фиксирует не только «непроработанность» концепта «советское» во всем его многообразии и сложности, но и необходимость его адекватного включения в общегуманитарный научный дискурс. «В пер-

вую очередь следует более четко определить природу “советского”» [16, с. 29] как условия дальнейшего развития российского общества. Как видим, интеллектуалы демонстрируют понимание невозможности «нормального» развития нашего сообщества без своеобразной «проработки прошлого» и четкого понимания концепта «советского» [6; 7; 14; 16; 17; 34].

Социально-философская рефлексия сопровождается теоретическими дискуссиями о методологическом инструментарии, которым располагают социально-гуманитарные науки для анализа советской и постсоветской действительности. Важным моментом является тот факт, что ситуация «здесь и сейчас» создает возможность обратной перспективы, которая меняет позицию исследователя: привязки к недавнему советскому прошлому нет, а завершенность советского проекта дает основания и возможность анализировать, интерпретировать и т. д. Исследователь в этом случае находится в позиции внутринаходимости: такая точка отсчета дает «более глубокое понимание... в общегуманитарном научном дискурсе... позволяя обнаружить сходство между современными людьми и теми, кто жил раньше» [19], исследователь обязательно обнаружит причастность к советской эпохе, например «через семейные архивы, прочитанные в детстве рассказы, просмотренные мультфильмы и т. п.» [19]. По утверждению Н. Н. Козловой, «...пишущий о своей культуре

обладает... памятью тела – тела, наполненного немотой воспоминаний, тела маркированного, нагруженного уже свершившийся историей» [17, с. 18]. Возможности обозначенной позиции гуманитария определяют ценность результатов исследования.

В российской социальной философии происходит поиск теоретической рамки для описания и интерпретации советской действительности: оказываются актуализированными такие категории, как «режим», «власть», «повседневность», «ментальность», «коллективная память», «идентичность».

Теоретической рамкой для исследования советской эпохи сегодня во многом является категория «идентичности», которая как своеобразный индикатор фиксирует незавершенность перехода от «советского» к «российскому». В постсоветском обществе, как и в любом обществе переходного типа, проблематизируется идентичность человека: именоваться «советским» человек не может, но что стоит за идентификационной моделью «россиянин», пока никто не знает. Идентификационная модель «россиянин» не имеет конкретного ценностно-символического наполнения, что затрудняет успешную социальную адаптацию человека к трансформирующимся условиям. Отсюда ситуация растерянности, кризис идентичности и сопутствующее им чувство ностальгии по ушедшему времени (где основания и составляющие коллективной идентичности известны, где «все просто и понятно»). В конечном итоге теория идентичности становится методологическим основанием для теоретизирования как самого «советского», так и «российского»: позволив провести границы, обозначить различия между «советским» и «российским» (в данном случае между идентификационными моделями), теория идентичности в настоящее время может помочь с самоопределением по отношению к советскому прошлому как интеллектуальному сообществу, так и постсоветскому обществу в целом.

Таким образом, важной задачей становится интерпретация советского типа социальности в современной социальной философии, поиск и разработка соответствующего категориального ресурса.

Советское прошлое является предметом анализа различных дисциплин. В 1990-х гг. интеллектуальное сообщество фиксировало изменения общества, экономики и сознания человека. Процесс трансформации «высвечивался» исследователями с разных точек зрения, внимание акцентировалось либо на субъекте экономического, либо на политическом, либо на социальном. Философы прежде всего стремились нарисовать картину формирующегося общества. В любом случае, аналитический интерес был сфокусирован на изменениях [12; 23; 28; 30; 39]: важно было увидеть новое «российское», «постсоветское» в социальной реальности. Однако анализ постсоветской действительности опирался не на понимание природы советской реальности, от которой «оттолкнулось» общество в конце XX в., а на «общие схемы транзитологии и лежащие в их основе ценностные представления» [13]. В этой схеме «советскому» не оставалось места: оно было исключено из оптики научного анализа постсоветской социальной реальности. «Отречение» от «советского» стало общим местом как в научных исследованиях, так и в повседневных практиках и в обыденном представлении.

В первое постсоветское десятилетие доминирующей в описании, интерпретации, объяснении советской действительности и советского человека была негативная оценка: советское прошлое воспринималось как некая аномалия, перерыв или провал в истории России, а советский человек («совок») – как продукт репрессивных действий власти, как некая жертва. В качестве методологического инструментария выступали категории «режим», «тоталитаризм», «тоталитарное сознание», которые подчеркивали насилие власти над советскими массами. В исследованиях 2000-х гг., благодаря введению в аналитическое поле социально-антропологического и аксиологического факторов, внимание ученых акцентируется на анализе повседневного бытия человека, стратегий и практик поведения, норм, ценностей, что, в свою очередь, дает новые возможности для осмысления и анализа советской действительности [2; 3; 4; 5; 9; 17; 22; 25; 31; 36; 37; 38].

Исследования повседневности позволяют представить «советское» в виде специфических форм взаимодействия, порождающих комплекс социокультурных норм, ценностей и практик. Более того, именно анализ мира повседневности позволяет отказаться от концепции «советского человека» как идеологического проекта, целиком и полностью сконструированного властью и советским режимом. Советский человек в разрезе повседневности демонстрирует сопротивление, увиливание, уклонение, отступление от предписаний власти. Тактики сопротивления советским человеком обнаруживаются, например, в языке (как игнорирование предписанных стандартов идеологической речи, языковое сопротивление на разных уровнях проявлялось в политическом анекдоте, авторской песне и т. д. [20]), в различных манипуляциях с вещами (рукоделие, шитье и др.), которые позволяют создавать не только новые вещи собственноручно, но и новые уникальные, соответствующие индивидуальному запросу предметы (эрзац-колготки, купальник для ребенка, перешитый из майки, и т. д.) [8, с. 45].

Исследования советской действительности в социально-антропологическом измерении позволили философам интерпретировать «советское» не в рамках тоталитарной гипотезы, а без привязки к уже привычному всем концепту тоталитаризма. Теория тоталитаризма, на протяжении многих десятилетий сближавшая диктатуры XX в. на основе видимого сходства политических устройств и идеологических структур, подвергается последнее время активному пересмотру. Согласно М. Рыклину, теория тоталитаризма не может быть применима к советской действительности, она предполагает для всех тоталитарных режимов единую реальность. Однако у Третьего рейха и у СССР у каждого была своя «реальность», что и делает их принципиально несводимыми. Реальностей сколько угодно много, реальность в себе противоречива и сложна, способна содержать разные социально-экономические, культурные и исторические явления. «Теория тоталитаризма была сформулирована на основе сближения двух политических систем» [34, с. 9] – основной аргумент М. Рыклина.

Х. Арндт, чьи исследования легли в основу теории тоталитаризма, создавала свою концепцию, прежде всего на немецком материале, и, по мнению М. Рыклина, «механически» спроецировала на советский опыт ряд черт, присущих национал-социализму. Но, строго говоря, Х. Арндт определила советское общество как тоталитарное, имея на то не так много оснований, поскольку «для понимания социальных систем важен достаточный уровень абстракции, позволяющий проследить их логику; а для этого они должны стать более или менее законченными» [34, с. 12]. Соответственно, база для сравнений двух систем сложилась не в 1949 г., когда Х. Арндт закончила свою книгу о тоталитарных режимах, а за последние полтора десятилетия, когда советский опыт предстал в виде архива. Только тогда для сравнения смогли предстать два гомогенных режима, которые при более тщательном рассмотрении обнаруживают различия, детали, мелкие незаметные механизмы, из которых складываются мозаики каждого режима.

Теория тоталитаризма, согласно которой власть манипулирует массами, слишком абстрактна, чтобы объяснить социальную динамику советского общества. Как пишет Н. Н. Козлова, «тотальная манипулируемость массы – интеллигентский миф» [17, с. 62], и в его основе лежит представление о субъекте, который наделен познающим сознанием и волей. Н. Н. Козлова строит анализ «человеческих документов» на постклассических теориях, акцентируя свое внимание на следах нестабильности, вариативности, множественности дискурсивных практик, в которые вовлечены социальные агенты, получающие тем самым возможность на «изобретение» собственных повседневных практик.

В процессе рефлексии по поводу советского прошлого задействованы как минимум три субъекта: власть, постсоветское сообщество (в данном случае сообщество людей) и интеллектуальное сообщество. Власть испытывает дефицит средств собственного идейного самообоснования, а потому, простроив единую линию «русское – советское – российское», обосновав преемственность «российского» по отношению к «советскому», получит возмож-

ность решить проблему идейной легитимации. Преемственность между русским и советским прошлым и российским настоящим с точки зрения власти может быть прописана в логике идентичности. Отсюда инициирование дискуссий в интеллектуальных и властных кругах на тему национальной идеи и разработка национальных проектов и программ. Таким образом, власть в настоящее время выступает еще и как субъект построения коллективной идентичности, решая попутно свои задачи.

Постсоветская масса, оказавшись в условиях трансформирующегося общества и лишившись привычных ориентиров в социальной реальности, тоже вынуждена как-то выстраивать собственную идентичность для успешного существования. Философы и социологи отмечают кризис идентичности у постсоветского человека и коллективную «травму», возникшую в связи с распадом советской империи. Первым признаком коллективной «травмы» было доминирующее негативное отношение к советскому прошлому. Первая реакция на распад советской державы – растерянность, отрицание советского прошлого, стремление вытеснить его из сознания. Кризис идентичности заключался в том, что человек утратил привычный образ жизни, изменилась система социальных связей, появились новые социальные институты, в результате чего человек оказался в ценностной пустоте, которую надо было чем-то заполнять. Сначала лакуна заполнялась «негативным» отрицанием советского прошлого, попыткой вытеснить из памяти данный период истории. Все это привело к тому, что в массовом сознании образуется некий разлом: между русским, советским и российским. Российская идентификационная модель может быть сформулирована только через осмысление этого разрыва.

Итак, практики анализа «советского» нарабатываются российскими философами не первый год: от тотального негативизма 1990-х гг. интеллектуальное сообщество пришло к осознанию необходимости проработки советского прошлого.

Важным условием функционирования общества во время трансформации его структурных элементов является проблематизация

коллективной идентичности. В то же время коллективная идентичность становится инструментом в самоопределении российского общества по отношению к своему прошлому. На поверхность выходят темы адаптации человека к изменяющейся реальности и, соответственно, эластичности и восприимчивости идентификационной модели к новым ценностям и практикам. Ответ на вопрос, какие общности человек считает «своими» или «чужими», является принципиальным для понимания изменяющихся социальных отношений. Философы получают широкие возможности говорить о значимых символах, ценностях, объединяющих это коллективное «мы», поддерживающих «воображаемое сообщество». Каким образом человек отождествляет себя с определенной социально-значимой целостностью (например, с советским народом или российской нацией)? Каким образом человек, всю свою жизнь идентифицирующий себя как советский, теперь идентифицирует себя как «россиянин», иначе говоря, каким образом происходит смена идентификационной модели и каково ее наполнение?

В условиях современного мира понятие «идентичность» заняло важное место в социально-гуманитарных исследованиях, позволяя объяснять тождество личности при изменении социальной реальности. Термин «идентичность» «основательно потеснил, а кое-где и вытеснил привычные для классической философии термины вроде „самосознания“ и „самоопределения“» [26, с. 7]. Об идентичности говорят так часто и так много, что смысл этого понятия стал неопределенным. В этой связи необходим междисциплинарный подход, который бы, учитывая весь комплекс социокультурных, экономических, политических и психологических факторов, прояснил все различные аспекты этого понятия.

Необходимо понимать, что формирование идентичности всегда связано с установлениями различий: различий, которые «часто конструируются на основе иерархии, например, между формой и содержанием, черным и белым, мужчиной и женщиной и т. д.» [27, с. 99]. Утверждение такого различия – предпосылка существования всякой коллективной

идентичности, чтобы понять и сформулировать, какие «мы», необходимо отличить «мы» от всех остальных. Различия могут быть оформлены через противопоставления «мы»/«они», а тогда через противопоставление «мы»/«другой» (в негативной тональности другой превращается во врага). Советская действительность демонстрировала установление различия на основе выделения «своего» мира и «чужого» («вражеского»). С точки зрения Л. Д. Гудкова, идентификационная модель, основывающаяся на подобном отношении, является примером негативной идентификации. Однако различия могут быть обозначены и через отношение к прошлой эпохе: иными словами, чтобы сформулировать основания идентификационной модели «россиянин», необходимо провести границу с социально-антропологическим типом «советский человек». Не определившись с советским прошлым, российское сообщество не сможет «нормально» функционировать, а российскому человеку будет затруднительно выстраивать собственную идентичность.

Актуальная задача гуманитарных наук – сформулировать различия, позволив постсоветскому человеку и всему российскому обществу провести границы между «советским» и «российским». Советская власть, четко поименовав различия между русским и советским в начале своего пути, позволила тем самым «родиться» социально-антропологическому типу «советский человек» и соответствующей коллективной идентичности.

Анализ коллективной идентичности социальными философами – это возможность установить и описать систему и структуру ценностных представлений, образующих «коллективное мы», процесс возникновения и воспроизводства этого «мы», формы и механизмы воспроизводства коллективной идентичности. Именно социально-философский анализ помогает понять, что в основании идентичности лежит конструкция, продукт коллективного воображения, поддерживаемая различными дискурсивными практиками. Коллективное «мы» поддерживается общезначимыми символами, при адекватном понимании которых реализуется успешное социальное

взаимодействие внутри определенной социокультурной целостности.

Коллективная идентичность в современном философском дискурсе о «советском» становится объяснительной схемой для понимания переходного состояния, ситуации так называемого «транзита» от «советского» к «российскому». В современных исследованиях философов и социологов все чаще отмечается незавершенность перехода советской социальности в новое качество – «российское». Отсюда наличие термина «постсоветское» в словарном запасе исследователей – свидетельство незавершенности трансформации советского в российское. Для философов нет однозначных ответов на вопросы типа «состоялся ли переход в принципе»? С точки зрения С. Рыженкова, «российский режим еще не стал законченным явлением» [33, с. 58–59]. Б. Дубин полагает, что современное состояние российского общества не очень понятно пока ни самим социальным субъектам, ни исследователям: «чаще всего его неопределенно именуют „постсоветским“» [11, с. 36].

Незавершенность «транзита» влечет за собой дискуссии о проблеме социальной адаптации человека к промежуточным условиям (постсоветским) и дискуссии об активном участии советских смыслов и символов в адаптационных процессах на постсоветской реальности. Коллективная идентичность становится своеобразным индикатором завершенности и качества перехода: вопрос: «Насколько человек ощущает себя россиянином?» – определяет логику исследований. Переходный социально-антропологический тип личности описывается в философских исследованиях опять же в логике идентичности. Кризис идентичности заключался в том, что человек утратил привычный образ жизни, изменилась система социальных связей, появились новые социальные институты, в результате чего человек оказался в ценностной пустоте, которую надо было чем-то заполнять. На первых порах лакуна заполнялась «негативным», отрицанием советского прошлого, попыткой вытеснить из памяти данный период истории. Все это привело к тому, что в массовом созна-

нии образуется некий разлом: между русским, советским и российским.

Современное интеллектуальное сообщество демонстрирует необходимость «проработки прошлого», четкого понимания «советского». Задача гуманитариев – теоретизировать современные процессы: как ситуацию забвения и ностальгии по советской эпохе, так и попытки самоопределения по отношению к прошлому. Анализ современных социальных

процессов может быть адекватно проведен в рамках теории идентичности, которая через выявление специфики идентификационных моделей советского и российского человека, может поименовать различия советского и российского. Одновременно постсоветская действительность становится материалом для выявления специфики коллективной идентичности человека в условиях транзитивного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балла О. Джаз на костях и комната в чемодане. Советская экзотика для невольных иностранцев // НГ ExLibris. 2006. № 11.
2. Богданов А. В. Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2001.
3. Бойм С. Общие места: мифология повседневности. М., 2002.
4. Брусиловская Л. Б. Культура повседневности в эпоху «оттепели» (метаморфоза стиля) // Общественные науки и современность. 2000. № 1.
5. Булавка Л. А. Феномен советской культуры. М., 2008.
6. Габович М. Коллективная память и индивидуальная ответственность. Заметки по поводу статьи Дины Хапаевой // Неприкосновенный запас. 2006. № 6 (50).
7. Гудков Л. Негативная идентичность: статьи 1997–2002 годов. М., 2004.
8. Гурова О. Продолжительность жизни вещей в советском обществе: заметки по социологии нижнего белья // Неприкосновенный запас. 2004. № 2.
9. Деготь Е. Память тела: нижнее белье советской эпохи: каталог выставки / ред. Е. Деготь, Ю. Демиденко. М., 2000.
10. Дубин Б. О коллективной идентичности в современной России: принципиальная конструкция и «слабые» формы // Жить в России на рубеже столетий: социологические очерки и разработки. М., 2007.
11. Дубин Б. Семья или успех? // Жить в России на рубеже столетий: социологические очерки и разработки. М., 2007.
12. Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества: деятельно-структурная концепция. М., 2003.
13. Зоркая Н. «Ностальгия по прошлому», или Какие уроки могли усвоить и усвоили молодые // Вестник общественного мнения. 2007. № 3.
14. Ионин Л. Г. Социология культуры. М., 2004.
15. Калинин И. Добро пожаловать в детство, в которое посторонним вход воспрещен // Неприкосновенный запас. 2008. № 2 (58).
16. Каспэ И., Каспэ С. Поле битвы – страна. Nation-building и наши нэйшнбилдеры // Неприкосновенный запас. 2006. № 6 (50).
17. Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005.
18. Круглова Т. А. Советская художественность или нескромное обаяние соцреализма. Екатеринбург, 2005.
19. Круглова Т. А. Советское наследие для «своих» и для «чужих» // Советская культура в современном социопропространстве России: трансформации и перспективы: материалы научной интернет-конференции. Екатеринбург, 2008. URL: [http://elar.usu.ru/bitstream/1234.56789/1595/1/Part 1+2008-02.pdf](http://elar.usu.ru/bitstream/1234.56789/1595/1/Part%201+2008-02.pdf)
20. Купина Н. А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург, 1999.
21. Кустарев А. Дискурсивный ресурс в постсоветском обществе: между инфляцией и дефицитом // Неприкосновенный запас. 2006. № 6 (50).
22. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–30-е годы. СПб., 1999.
23. Левада Ю. А. Десять лет перемен в сознании человека // Общественные науки и современность в сознании человека. 1999. № 5.

24. *Левада Ю. А.* Человек в поисках идентичности: проблема социальных критериев // От мнений к пониманию: социологические очерки. М., 2000.
25. Люди и вещи в советской и постсоветской культуре / О. Г. Ечевская, О. Гурова, О. Вейс, О. Дейхина, Ю. Захарова. Новосибирск, 2005.
26. *Малахов В.* Проблема идентичности в постсоветском контексте // Понаехали тут...: Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М., 2007.
27. *Муфф Ш.* Агонистические публичные пространства, демократическая политика и динамика страстей // Десять докладов, написанных к Международной конференции по философии, политике и эстетической теории «Создавая мыслящие миры», проведенной в рамках 2-й Московской биеннале современного искусства. М., 2007.
28. *Наумова Н. Ф.* Рецидивирующая модернизация в России как форма развития цивилизации // Социологический журнал. 1996. № 3/4.
29. *Ольшанский Д. В.* Социология личности в России // Социология в России / под. ред. В. А. Ядова. М., 1996.
30. *Ольшанский Д. В.* Трансформация человеческого сознания (от мегамшины тоталитаризма к демократическому обществу) // Политические исследования. 1991. № 3.
31. *Рис Н.* Русские разговоры: культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М., 2005. 368 с.
32. *Романова О.* «Мы, они, Оно» и модели «советского» // Синий диван. № 10–11.
33. *Рыженков С.* Динамика трансформации и перспективы российского политического режима // Неприкосновенный запас. 2006. № 6 (50).
34. *Рыклин М.* Пространства ликования. Тоталитаризм и различие. М., 2002.
35. *Трубина Е. Г.* Идентичность персональная // Современный философский словарь. М., 2004.
36. *Утехин И.* Очерки коммунального быта. М., 2001.
37. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001.
38. *Хархордин О.* Обличать и лицемерить. К генеалогии российской личности. СПб., 2002.
39. *Шульдин Б. П.* Российский менталитет в сценарии перемен // Социологические исследования. 1999. № 12.